

*К 200-летию со дня рождения  
Роберта Шумана  
(1810–1856)*

Павел ЕГОРОВ

# РОБЕРТ ШУМАН



Издательство  
«Композитор • Санкт-Петербург»  
2010

ББК 85.313(3)  
Е30

При поддержке  
Goethe-Institut Russland



**Егоров, Павел**

Е30 Роберт Шуман: К 200-летию со дня рождения (1810–1856). — СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2010. — 24 с.

ISBN 978-5-7379-0447-0

Автор этой брошюры, народный артист России Павел Егоров, профессор Петербургской консерватории, лауреат Международного конкурса имени Шумана и член Международного шумановского общества, делится своими мыслями о Шумане, рассказывает о его связях с Россией.

**ББК 85.313(3)**

ISBN 978-5-7379-0447-0

© Егоров П. Г., 2010  
© Издательство «Композитор • Санкт-Петербург», 2010

## Роберт Шуман — пленник Давидова братства

Истинный художник хочет не своего  
во что бы то ни стало, а прекрасного,  
объективно прекрасного, то есть  
художественно воплощенной истины вещей.

*Отец Павел Флоренский*

2010 год — знаковый в истории музыки, той музыки, которую принято называть романтической. В марте просвещенный мир отмечал двухсотлетие со дня рождения Фридерика Шопена. И вот уже 200 лет исполнилось его современнику и ровеснику Роберту Шуману, родившемуся 8 июня 1810 года.

На территории музыки имя Роберта Шумана неразрывно связано с созданным его воображением Давидсбундом, или Давидовым братством. Имя свое этот союз (*der Bund* — союз, лига, завет; *нем.*) получил в честь библейского царя Давида, «грозы филистимлян», с которыми композитор ассоциировал современных ему филистеров — людей духовно убогих, консерваторов и в искусстве, и в жизни. Члены этого братства красуются и в названии раннего шумановского фортепианного цикла — «Давидсбюндлеры» (в первой редакции «Танцы Давидсбюндлеров»), и в финале знаменитого «Карнавала» — «Марш давидсбюндлеров против филистимлян». «Этюдами давидсбюндлеров» называл композитор и свои Симфонические этюды. Идея Давидова братства волновала Шумана не только в музыке — он мечтал написать роман о давидсбюндлерах; занимала его и мысль воплотить свою идею в реальную жизнь, создать настоящее, а не выдуманное братство людей искусства.

Что же это за Союз Давида, или Давидсбунд? В 1836 году Шуман писал своему коллеге Генриху Дорну: «Давидсбунд, как Вы уже давно заметили, только романтический, духовный союз. Моцарт был таким же великим членом этого братства, какими ныне являетесь Берлиоз и Вы, для этого не нужен особый диплом». Позднее во введении к своим «Жизненным правилам и советам молодым музыкантам» Шуман пояснил: «Здесь следует еще упомянуть об одном союзе, который был более чем таинственным, поскольку существовал лишь в воображении его основателя, а именно о Давидсбунде. Этот союз выносил на обсуждение различные взгляды из области искусства, удачно находил противоположные по своему отношению к искусству характеры — наиболее значительными из них были Флорестан и Эвзебий, между которыми как посредник стоял мастер Раро. Давидово братство красной нитью проходило через весь журнал, в юмористической манере соединяя правду и вымысел...»

Перелистывая «Новый музыкальный журнал», основанный Шуманом в 1834 году, мы знакомимся с эстетическими и этическими взглядами композитора: «Эстетика одного искусства — та же, что и другого, только материал различен»; «Настоящими признаками поэзии являются те, в которых поэт и народ сливаются в единое, в целое, в которых интересы одного столь тесно связаны с интересами другого, что можно по поэту судить о характере народа, и наоборот, зная характер нации, судить о словах поэта...» Журнал, которым Шуман руководил более 10 лет, содержит россыпь шумановских афоризмов, к примеру таких: «Музыка — единственный всемирный язык, его не надо переводить, на нем душа говорит с душою»; «Лучший способ говорить о музыке — это молчать о ней...»; «...Художник должен находиться в состоянии равновесия с жизнью, иначе он очутится в затруднительном положении»; «...Я не переношу людей, чья жизнь не созвучна их произведениям».

Наконец, на страницах своего журнала композитор заявляет: «Давидсбунд — содружество одинаково мыслящих музыкантов, боевой союз, имевший целью создание новой немецкой музыки».

Шуман-публицист взрывал находившуюся в состоянии застоя современную ему музыкальную жизнь Германии. Подобно Давиду, пращой сразившему великана-филистимлянина Голиафа, он пригвождал к позорному столбу и клеймил как развратителей общественного вкуса авторов поверхностных салонных сочинений, которых прежняя музыкальная критика возносила до небес. «Нельзя сказать, что тогдашнее (1833) состояние музыкальной жизни в Германии было весьма отрадным. На сцене все еще господствовал Россини, за фортепиано — почти исключительно Герц и Хюнтке. А ведь прошло лишь совсем немного лет с тех пор, когда среди нас жили Бетховен, К. М. фон Вебер и Франц Шуберт. Правда, уже восходила звезда Мендельсона и звучали прекрасные пьесы поляка Шопена, но влияние их сказалось лишь позже», — констатировал Шуман в своем введении к Собранию сочинений.

Шопену, музыкальный портрет которого Шуман запечатлел в «Карнавале», он посвящает и свое самое сокровенное фортепианное сочинение «Крейслериана». О Шопене Шуман писал исключительно восторженно: «...все, к чему прикасается Шопен, преобразует его образ и дух, даже в этом мелком салонном стиле он выражается с грацией и благородством, по сравнению с которыми все манеры других блестяще пишущих композиторов, при всей их утонченности, растекаются в воздухе...» Хорошо известна и другая, ставшая крылатой фраза Шумана: «Произведения Шопена — это пушки, спрятанные в цветах». Но кто бы еще, кроме брата по духу — давидсбюндлера, смог бы так пронзительно сказать о своем коллеге: «...он есть и останется самым отважным и гордым поэтическим духом времени!»

Без музыки Шумана мир был бы намного беднее и человечество осталось бы без сокровенных и таких важных откровений, что заключены в ней. Сложная простота и простая сложность, страстная мечтательность и мечтательная страстность, горькая сладость и сладкая боль, грустная радость и радостная грусть — всё это ее составляющие. Держащий и протестующий, мечтающий и умиротворяющий, а главное, всегда пылкий, честный и бескомпромиссный, он принадлежит к лучшим сынам своего времени и своего народа. И лучше всего о нем говорят его собственные слова: «Посылать свет в глубины людских сердец — вот призвание художника!»

*1 июня 2010 года  
Санкт-Петербург*

## Шуман в России

Началом широкого знакомства России с творчеством Шумана следует считать двухмесячный визит его с супругой — Кларой в Петербург и Москву в 1844 году. Петербургская пресса (“Nördliche Bienen”) сообщала тогда своим читателям: «...В нынешнее время в Европе первостепенных талантов или даже гениальностей в фортепианной игре всего пять, а именно: Лист, Тальберг, Шопен, Гензельт и г-жа Шуман, урожденная Вик. Это признано первейшими знатоками и виртуозами образованного мира. Шопен и Гензельт имеют перед другими то преимущество, что они лучшие между ими композиторы. Гензельт, в первый год своего приезда в Петербург, дал несколько блистательных концертов, но, поселившись в Петербурге и присмотревшись ближе к нашей музыкальности и к тому, как идут у нас музыкальные дела, он отказался вовсе от славы, предпочел ремесло художеству и занялся преподаванием уроков. Тальберг и Лист наделали шуму своим приездом, привлекли многочисленную публику в свои концерты, хотя в последний приезд Листа в концертах его уже было много пустых мест. Шопена мы здесь не слышали. Увлеченная рассказами о любви нашей публики к фортепианной игре и к музыке вообще, г-жа Шуман, прославившаяся по всей Германии, в Париже и в Лондоне, поехала к нам. Во всех городах, по пути в Петербург, принимали ее с торжеством, и во всех данных ею в проезде концертах все места всегда были заняты, и везде удерживали ее по несколько дней и заставляли повторять концерты. — Что же будет в столице, в Петербурге?» Таким образом, здесь ждали в первую очередь популярную пианистку Клару Шуман. Не без иронии по поводу того приезда четы Шуман говорили и писали о том, как «знаменитую пианистку г-жу Клару Шуман сопровождал

ее супруг — Роберт»; во второй же визит Клары в Россию (уже после кончины Роберта) пресса сообщала: «К нам приехала М-те Шуман, жена великого Роберта Шумана». И тем не менее исполнение сольных и камерных сочинений, а также Первой, «Весенней» симфонии Шумана в далеком 1844 году произвело сильное впечатление и оставило глубокий след в душах его первых русских слушателей. Сам композитор так описывал свои впечатления о поездке в Россию в письме Ф. Вику в Дрезден (Санкт-Петербург, 1 апреля/20 марта 1844 года): «...вот уже четыре недели, как мы здесь. Клара дала четыре концерта и играла у императрицы; мы завязали отменные знакомства, видели много интересного, каждый день приносил с собой что-нибудь новое. Вот так и дожили до сегодняшнего дня, последнего перед нашей поездкой в Москву, и, оглядываясь назад, мы можем быть вполне довольны достигнутым. Как много я смогу Вам рассказать <...>. Наша главная ошибка заключалась в том, что мы приехали сюда слишком поздно. В таком большом городе требуется множество приготовлений; все здесь зависит от двора и высшего света; пресса, газеты имеют мало влияния. К тому же все здесь словно с ума посходили от итальянской оперы, [Полина Виардо-]Гарсия произвела необыкновенный фурор. И получилось так, что на первых двух концертах зал был неполным, третий зато прошел весьма удачно, а четвертый (в Михайловском дворце) был самым блестящим. В то время как интерес публики к другим артистам, даже к Листу, все время уменьшался, по отношению к Кларе он увеличивался, и она могла бы дать еще четыре концерта, если бы не помешала страстная неделя и если бы не пора было уже думать о поездке в Москву. Нашими лучшими друзьями были, естественно, Гензельты, которые заботились о нас с большой любовью; затем прежде всего Вильегорские — два превосходных человека, в особенности Михаил, истинно художественная натура, самый гениальный дилетант, какого я когда-либо



встречал. <...> Клара, как мне кажется, питает тайную страсть к Михаилу, который, кстати говоря, уже имеет внуков, т. е. мужчина за пятьдесят, но душой и телом молод, словно юноша. В лице принца Ольденбургского (племянника императора) мы также имели весьма приятного покровителя, равно как и в лице его супруги, которая — сама кротость и доброта. Они нас вчера самолично водили по своему дворцу. Вильегорские также оказали нам большое внимание; они дали в нашу честь вечер с оркестром, с которым я разучил и продирижировал свою симфонию. О Гензелейте расскажу лично; он все тот же, но изнуряет себя уроками. Играть публично его уже невозможно заставить. Услышать его можно только у принца Ольденбургского; здесь он на одном суаре сыграл вместе с Кларой мои вариации для двух фортепиано.

Император и императрица были очень приветливы к Кларе; неделю тому назад она играла там целых два часа в тесном семейном кругу... О великолепии Зимнего дворца Клара Вам расскажет лично. Господин фон Рибопьер (прежде — посол в Константинополе) несколько дней тому назад водил нас по дворцу; это походило на сказку из „Тысячи и одной ночи“. <...> А теперь представьте себе мою радость: мой старый дядя (брат матери Шумана, военный врач Шнабель. — *П. Е.*) еще жив. В первые же дни нашего здесь пребывания мне посчастливилось познакомиться с губернатором Твери, который сказал мне, что хорошо его знает. Я тотчас написал туда и недавно получил от дяди и его сына, командира полка в Твери, самый сердечный ответ. В ближайшую субботу он празднует свое семидесятилетие, и я думаю, что мы как раз в это время будем в Твери. Какая же это радость для меня и для престарелого человека, которого никогда еще не навещал ни один родственник <...>. Здешние музыканты все отнеслись к нам чрезвычайно дружески, особенно Ромберг; они отказались от всяческого вознаграждения за свое участие в последнем

концерте; нас попросили только отвезти всех в каретах на концерт, что мы сделали с величайшим удовольствием...»

Невозможно не привести здесь еще одно любопытное сообщение композитора (из письма Ф. Вику в Дрезден от 17 мая 1844, С.-Петербург) о том, что он мог стать основателем первой в России Санкт-Петербургской консерватории: «...вечером были у великой княгини Елены, которая пригласила нас к себе. Клара играла чудесно. Великая княгиня отнеслась к нам так, как она (по словам Гензельта) еще никогда не относилась к музыкантам. Она истинно царственная женщина, которая уже не одному мужчине вскружила голову, причем необычайно умна и образованна. Мы много говорили о том, нельзя ли основать в Петербурге консерваторию, и что в этом случае она, пожалуй, сразу же оставила бы нас здесь...» Через 18 лет эту идею Шумана воплотил в жизнь Антон Рубинштейн.

К наследию великого саксонца в России всегда относились с неизменной любовью. Ни один из видных исполнителей русской фортепианной школы не прошел мимо его фортепианных сочинений. Среди самых сокровенных интерпретаторов шумановских творений был Владимир Софроницкий, написавший словесный портрет композитора полвека назад, к его 150-летию. Конечно, этот портрет несет в себе отпечаток того времени и личности писавшего. Но строки, ставшие уже раритетными, явят нам приметы ушедших лет и напомним основные вехи биографии великого немецкого романтика. Вот они:

*В историю музыки первая половина XIX века вошла как эпоха формирования и расцвета нового направления — романтизма. Самодовольству и косности филистеров композиторы-романтики противопоставили страстный и мощный призыв к освобождению человеческой личности, к равенству и братству. В блестящей плеяде музыкантов этого направ-*

ления одно из первых мест принадлежит великому немецкому композитору Роберту Шуману (1810–1856). Он родился в семье книгоиздателя — жителя саксонского города Цвиккау. В семь лет Роберт уже сочинял музыку, а в двенадцать дирижировал гимназическим оркестром. Несмотря на сопротивление матери, мечтавшей сделать из сына преуспевающего адвоката, юноша настоял на своем и оставил юридический факультет, чтобы целиком отдаться своему влечению. Сама атмосфера Лейпцига, в котором сначала учился Шуман, как нельзя больше способствовала развитию его наклонностей: этот город был тогда центром музыкальной жизни Германии. Роберт стал брать уроки фортепианной игры у видного педагога и пианиста Фридриха Вика. Неожданное несчастье заставило юношу навсегда отказаться от исполнительской деятельности: он безнадежно повредил правую руку. Тогда-то Шуман и посвятил себя композиции. В тридцатые годы определилось мировоззрение молодого музыканта. Он стал одним из активнейших пропагандистов прогрессивного романтического искусства. В 1834 году молодой композитор начал издавать «Новый музыкальный журнал», высоко оценивший творчество Ф. Мендельсона-Бартольди, Ф. Шуберта, Ф. Шопена, Ф. Листа и других. В ту пору Шуман написал свои лучшие фортепианные произведения. Кипучая страстность, порывистость, порой сменяемые романтической мечтательностью, — самые характерные черты его музыкальных пьес. Таковы фортепианные циклы «Карнавал» и «Крейслериана», «Симфонические этюды», фа-диез-минорная соната, «Фантазия».

Тридцатилетний Роберт женился на Кларе Вик — дочери своего учителя. Счастливая любовь окрылила композитора, придала ему необычайные силы. Этот год в творчестве композитора принято называть «годом песен». Шуман создал более ста вокальных произведений, в том числе программные песенные циклы — «Любовь поэта» на слова Генриха Гейне, «Любовь и жизнь женщины» на слова А. Шамиссо.

*В них развит шубертовский тип лирической песни, широко использованы элементы народного песенного творчества. В сороковые годы композитор создал ораторию «Рай и Пери», «Сцены из „Фауста“», оперу «Геновева» и музыку к драматической поэме Дж. Байрона «Манфред». Тогда же были написаны и четыре симфонии. Радостные, жизнеутверждающие, они ярко выражают веру в победу светлых сил жизни. Три струнных квартета, фортепианный квартет и знаменитый фортепианный квинтет — произведения, поражающие глубиной мысли и мастерства, — относятся примерно к тому же периоду. В 1844 году Шуман вместе с женой побывал в России, где Клара исполняла его произведения, имевшие большой успех у русских музыкантов.*

*Творчество Шумана всегда было очень популярно среди русской музыкальной интеллигенции. Его влияние сказалось на фортепианных произведениях Чайковского, Мусоргского, Рубинштейна.*

*В памяти любителей музыки выдающийся немецкий композитор останется и как спаситель гениальной Симфонии Шуберта до мажор, которую Шуман нашел в Вене и с большим трудом восстановил.*

*Всем людям доброй воли дорого имя Роберта Шумана. Поэтому решение Всемирного Совета Мира о праздновании 8 июня 1960 года столетия со дня рождения этого замечательного художника и человека встречено с огромным удовлетворением.*

Журнал «Советский Союз».  
1960. Июнь

*...Наибольшей высоты Шуман достиг в своем фортепианном творчестве. Оно вспыхнуло, как юная ярко-голубая звезда. Почти одновременно, одно за другим, появляются «Танцы давидсбюндлеров», «Карнавал», Соната fis-moll, «Симфонические этюды», «Крейслериана», Фантазия... В первый свой*

*свет звезда отдает всю силу юности, накал ее достигает высшей яркости — все, что создано в эти годы Шуманом, кажется непревзойденным. В более поздних опусах голубой накал юности потускнеет и потеряет свою интенсивность. Фортепианные произведения Шумана последних лет мерцают, как уходящий красноватый отблеск заката. Трудно передать словами все то, что чувствуешь, слушая или исполняя музыку Шумана. В ней всегда находишь что-то новое, интересное и иногда очень важное, еще неоткрытое, что-то как бы подсказывающее и направляющее... Музыку Шумана любили и читили русские композиторы. Большое влияние оказала она на Чайковского, Рубинштейна, Мусоргского, Кюи, Лядова и других. Первыми гениальным исполнителем Шумана в России был Антон Рубинштейн. Он смело культивировал все лучшее в музыке Шумана, тогда как на Западе в то время ее почти не исполняли. Замечательная пианистка того времени, жена Шумана, Клара Вик при жизни композитора исполняла лишь несколько его пьес... Наша страна, наш народ и мы, советские музыканты, глубоко чтим память Роберта Шумана, великого немецкого композитора.*

Воспоминания о Софроницком. М.: Советский композитор, 1970.

Приложение

*Роберт Шуман*

## **Жизненные правила для молодых музыкантов**

Перевод П. И. Чайковского

Воспитание слуха всего важнее. Приучайся с самого юного возраста различать тоны и лады. Вслушивайся в звуки, издаваемые колоколом, стекольной рамой, кукушкой и т. д.

Прилежно повторяй гаммы и другие упражнения, но этого недостаточно. Часто встречаются люди, которые до самого зрелого возраста, посвящая ежедневно несколько часов механическим упражнениям, мечтают достигнуть высших целей в искусстве. Это то же, что твердить ежедневную азбуку, стараясь произносить буквы все скорее и скорее. Употребляй время с большей пользой.

Изобретено так называемое немое фортепиано. Испытывай его в течение некоторого времени, дабы убедиться, до какой степени оно негодно. Немые не могут выучить говорить.

Играй в такт. Игра многих виртуозов уподобляется поступи пьяного человека. Не бери себе таких примеров.

Как можно ранее усвой себе основные начала гармонии.

Не бойся слов «теория», «гармония», «контрапункт» и т. д. Относись к ним дружески, и они тебе улыбнутся.

Никогда не колоти по клавишам. Играй всегда со смыслом и не останавливайся на половине пьесы.

Не растягивай и не торопись; эти два недостатка одинаково велики.

Старайся играть хорошо и выразительно легкие сочинения; это лучше, чем трудные исполнять посредственно.

Забиться о том, чтобы твой инструмент был чисто настроен.

Нужно, чтобы ты данные тебе пьесы умел не только играть, но и петь без посредства фортепиано. Изостри настолько свою музыкальную сообразительность, чтобы удерживать в памяти не одну только мелодию, но также и сопровождающую ее гармонию.

Даже если ты не обладаешь хорошим голосом, старайся петь с листа без помощи инструмента. Таким образом ты постепенно разовьешь свой слух. Но если ты одарен красивым голосом, принимайся за его выработку не теряя ни единого мгновения и цени его как лучший дар небес.

Ты должен приучиться читать всякую музыку и понимать ее зрением.

Когда ты играешь, не заботься о том, кто тебя слушает.

Играй всегда так, как будто тебя слушает великий художник.

Если перед тобой разложат сочинение, чтобы ты проиграл его с листа, пробеги его предварительно глазами в полном его объеме.

Когда твои ежедневные упражнения окончены и ты чувствуешь себя утомленным, то не принуждай себя к дальнейшему труду. Лучше отдохнуть, чем работать без наслаждения и свежести чувств.

Когда ты сделаешься старше, не играй модных сочинений. Время драгоценно. Нужно прожить сто жизней, чтобы изучить всё, что существует хорошего.

Нельзя вырастить здорового человека, питая его сладостями и пряностями. Духовная пища должна быть так же проста и существенна, как и материальная. Великие художники озабочены доставлением первой. Довольствуйся ею.

Сочинения, преисполненные пассажей, быстро стареются; блестящая сторона сочинения только тогда имеет цену, когда она служит высшим целям. Не распространяй плохих сочинений; старайся всячески преграждать им путь к известности.

Ты не должен ни исполнять, ни слушать плохих сочинений, разве тебя к тому принуждают.

Не стремись к блеску исполнения. Старайся произвести то самое впечатление, которое имел в виду композитор; смешно желать большего.

Пусть изменение, прибавление или опущение чего бы то ни было в сочинениях хороших композиторов будет в твоих глазах преступлением. Нельзя нанести большего оскорбления искусству.

В отношении выбора пьес для изучения спрашивай совета у старших; таким образом ты выиграешь много времени.



Ты должен мало-помалу знакомиться с сочинениями знаменитых авторов.

Не прельщайся успехами великих виртуозов в публике. Предпочитай поощрения художника похвалам толпы.

Все модное выходит из моды; и если ты будешь гнаться за модой, то, состарившись, будешь никому не внушающим уважения франтом.

Много играть в обществах скорее вредно, чем полезно. Сообразуйся со степенью понимания окружающего тебя общества, но не играй того, чего ты внутренне стыдишься.

Пользуйся всяким случаем играть что-нибудь сообща, как-то: дуэты, трио и т. д. Это сделает твою игру плавной, полной жизни, осмысленной. Чаще аккомпанируй певцам.

Если бы все музыканты хотели играть в первых скрипках, нельзя было бы составить оркестра. Итак, уважай каждого музыканта на своем месте.

Люби свой инструмент, но не будь исключителен. Помни, что существуют другие, столь же прекрасные. Не забывай также, что есть певцы и что все высшее в музыке возложено на хор и оркестр.

По мере того как ты растешь, знакомься больше с партитурами, чем с виртуозами.

Прилежно играй фуги хороших композиторов, в особенности же фортепианные фуги И. С. Баха. Пусть они будут твоим

насущным хлебом. Один он уже может сделать из тебя хорошего музыканта.

Между своими товарищами дружись с теми, которые больше тебя знают.

После твоих музыкальных занятий ищи отдохновения в чтении поэтов. Броди почаще в поле и в лесу.

От певцов и певиц можно многому научиться, но не следует принимать всех их советов.

Много людей живет на свете. Будь скромн. Ты еще не открыл и не изобрел, чего бы не открыли и не изобрели уже до тебя. Но если бы тебе это и удалось, считай свое открытие общим достоянием.

Изучение истории музыки и усвоение великих произведений всех эпох спасет тебя от самоуверенности и тщеславия.

Исследование Тибо о чистоте стиля в музыке — прекрасная книга. Когда сделаешься старше, читай ее.

Если, проходя мимо церкви, ты услышишь звуки органа, — войди и слушай. Если же тебе будет дозволено сесть на скамью органиста, то испытай твои маленькие руки на клавишах этого инструмента и удивляйся всемогуществу нашего искусства.

Не упускай ни единого случая поиграть на органе. Нет инструмента, более его способного отучить от заблуждений и дурных привычек как в сочинении, так и в исполнении.

Не отказывайся петь в хорах, особенно средние голоса. Это сделает из тебя хорошего музыканта.

Но что значит хороший музыкант? Если ты, боязливо устремив глаза в ноты, с трудом доигрываешь пьесу до конца, если ты становишься в тупик и не идешь дальше, когда тебе нечаянно перевернут две страницы сразу,— ты не хороший музыкант. Но ты хороший музыкант, если предчувствуешь, что непосредственно следует, или помнишь наизусть в пьесах тебе уже известных, словом, если у тебя музыка не только в пальцах, но в голове и сердце.

Однако как сделаться хорошим музыкантом? Милое дитя! Существенные его качества, как-то: верный слух, быстрое понимание, даются свыше. Но эти свойства могут быть развиты и усовершенствованы. Ты не сделаешься хорошим музыкантом, если, удаляясь от общества, целые дни будешь посвящать единственно механическим упражнениям; но ты достигнешь цели, если будешь возвращаться в деятельном, многосторонне музыкальном кружке, особенно знакомясь с хорами и оркестром.

Изучай с юных лет пределы и свойства человеческого голоса в его четырех видах; в особенности освойся с хоровыми сочинениями; уясни себе, на каких высотах голос проявляется во всей своей силе и где он способен выразить оттенки нежные, мягкие.

Внимательно слушай народные песни; они неисчерпаемый родник красивейших мелодий, рисующих тебе черты различных народностей.

Как можно ранее приучись читать в старинных ключах; иначе многие сокровища былых времен останутся тебе неизвестными.

Старайся вникнуть пораньше в тон и качество звука каждого инструмента; приучи ухо различать краски, им свойственные.

Не пренебрегай слушанием хороших опер.

Уважай старое, но с жаром интересуйся новым. Не имей предубеждения к именам, мало еще известным.

Не суди о достоинстве сочинения, прослушав его только один раз; что в первое мгновение тебе понравится, может оказаться не лучшим. Великие мастера требуют глубокого изучения. Многие вещи ты поймешь только в зрелом возрасте.

Играй новейшие сочинения, старайся разобрать: суть ли они произведения искусства или порождения дилетантизма. Стой за первые, но не возмущайся против последних.

Мелодия — вот боевой крик дилетантов! И конечно, музыка без мелодии — не музыка. Но под мелодией они подразумевают легко запоминаемые, ритмически приятные мотивы. Существуют, однако, мелодии другой чеканки, которые, перелистывая Баха, Моцарта, Бетховена, ты встретишь в огромном, разнообразнейшем изобилии. Нужно надеяться, что ты скоро разочаруешься в монотонных мелодиях новейших итальянских опер.

Если, сидя за фортепиано, ты можешь связать несколько маленьких мелодий вместе, то это уже хорошо; но если одна такая мелодия придет тебе сама по себе, без помощи инструмента, то радуйся еще гораздо больше: значит, в тебе проснулся внутренний слух. Пальцы должны исполнять то, что задумала голова, — не наоборот.

Когда ты начнешь сочинять, соображай всегда головой. Не пробуй своего сочинения за инструментом, покамест оно не закруглится вполне. Если твоя музыка вылилась из души, если ты ее прочувствовал, — то она и на других будет действовать точно так же.

Если небо одарило тебя деятельным воображением, ты будешь как прикованный целые часы одиноко проводить за инструментом, стараясь выразить волнующие тебя чувства; и чем менее ты ознакомлен с царством гармонии, тем таинственнее будешь ты замыкаться в этом очарованном круге. Это будут счастливейшие часы твоей юности. Но не предавайся этому наслаждению с излишеством; оно заставит тебя тратить твой талант и время на призраки. Только выражая свои мысли определенными знаками на бумаге, можешь ты придать им должную ясность, законченную форму. Итак, более сочиняй, чем фантазируй.

Озаботься скорейшим приобретением сведений, нужных для управления оркестром. Наблюдай за хорошими дирижентами; управляй оркестром мысленно, про себя. Это уяснит тебе слышимое.

Изучай жизнь во всех ее проявлениях, [а] также другие искусства и науки.

Нравственные законы суть также законы искусства.

Благодаря терпению и прилежанию ты будешь возвышаться постоянно.

Из фунта железа, стоящего несколько грошей, фабрикуются многие тысячи часовых пружин, которых ценность бесконечно

превышает железо. Старайся данный тебе от Бога фунт сделать как можно более ценным. В искусстве не творится ничего великого без энтузиазма.

Искусство существует не для того, чтобы приносить богатства. Совершенствуй себя как артиста, остальное придет само собою.

Когда ты овладеешь формой, уяснится тебе и внутренний смысл.

Вполне постигнуть гения, быть может, способен только гений.

Кто-то утверждал, что хороший музыкант, прослушавши раз оркестровое сочинение, как бы ни было оно сложно, должен как бы видеть перед собою всю его партитуру. Это высшее совершенство, какое себе можно представить.

Нет конца ученью.

## Содержание

Роберт Шуман —  
пленник Давидова братства  
**3**

Шуман в России  
**7**

Приложение  
*Роберт Шуман*  
Жизненные правила для молодых музыкантов  
Перевод П. И. Чайковского  
**14**

Павел Григорьевич ЕГОРОВ

**РОБЕРТ ШУМАН**

Художественный редактор *Т. И. Кий*

Корректор *Т. В. Львова*

Оригинал-макет *А. А. Красивенковой*

Формат 60х90/16. Бум. офс. Гарн. Academy, Petersburg.

Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,75. Тираж 1000 экз.

**Издательство «Композитор • Санкт-Петербург»**

190000, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 45

*Тел./факс: 7 (812) 314-50-54, 312-04-97*

*E-mail: sales@compozitor.spb.ru Internet: www.compozitor.spb.ru*

Филиал издательства нотный магазин «Северная лира»

191186, Санкт-Петербург, Певский пр., 26

*Тел./факс: 7 (812) 312-07-96 E-mail: severlira@mail.ru*

Отпечатано в типографии издательства «Композитор • Санкт-Петербург»